

В. И. Казанский

Гончая и охота с ней

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 796
ББК 75.5
В11

В11 **В. И. Казанский**
Гончая и охота с ней / В. И. Казанский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 112 с.

ISBN 978-5-519-15387-4

В лесных и лесостепных областях нашей страны любители охоты с гончей или, как мы привыкли их называть, «гончатники» наиболее многочисленны среди охотников с собаками, и число приверженцев гончей всё растёт.

Очень многие охотники «по специальности» и не гончатники тоже любят в тихий хмурый осенний день или в белые деньки первозимья послушать волнующий гон вязких и мастероватых гонцов и угадать верный лаз гонного зверя. Да ведь и для людей, пристрастных к родной природе, небезынтересно знакомство с гончей, с рассказом об этой собаке, столь удивительно решающей замысловатые задачи «премудрого» звериного следа.

ISBN 978-5-519-15387-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Рисунок 1. Современная русская гончая

всееармейского военно-охотничьего общества (русских гончих), Воронежской областной охотничьей организации (англо-русских гончих) и белевская (Тульской области) общественная стая англо-русских. В послевоенные годы Калининской госохотинспекцией была создана волкогонная стая русских пегих гончих. Особо нужно выделить старейшую советскую стаю русских пегих (ранее англо-русских) волкогонов Тульского областного общества охотников, существующую уже более сорока лет.

В некоторые годы с каждой из этих стай удавалось брать до 70 и более волков. Таким образом, в лесной полосе, где самолёты неприменимы для борьбы с волками, гончие полезны и как истребители этого хищника.

Большой популярностью охоты с гончей объясняется и исключительно обширное её распространение. В европейской части СССР гончая не только многочисленна во всей лесной (за исключением Крайнего Севера) и лесостепной полосе, но нередко встречается и в степных областях и районах, где среди степей есть хотя бы небольшие участки леса. С гончей охотятся также в лесах Северного Кавказа и Крыма.

В Сибири из года в год гончая становится всё многочисленней, и если пока живёт и работает преимущественно в наиболее населённых, наиболее обжитых и культурных областях, то в будущем, по мере освоения ныне ещё безлюдных лесных пространств, гончая и здесь станет такой же обычной, как и в европейских областях Советского Союза.

Если задуматься о будущих судьбах нашей гончей, то найдутся веские основания для оптимизма.

Гончей в нашей стране предстоит ещё долгая жизнь и большая работа. Утверждать это позволяет ряд весьма существенных обстоятельств.

Первое из них состоит в следующем.

Общезвестно, что количество охотничьих птиц в наших охотничьих угодьях стало значительно убывать. Убыль идёт как по оседлым видам, так и по прилётным. Меньше становится и наших аборигенов: тетерева, рябчика, глухаря, белой и серой куропаток, стрепета; всё беднее прилёт бекаса, дупеля, вальдшнепа, уток всех пород...

Это приводит к тому, что, если число охотников с легавой и не сокращается, то не может и расти. А ведь общее количество людей, стремящихся к охоте, становится всё больше. И вот многие из них, отказавшись от легавой из-за недостатка птицы, обращаются к гончей. Это объясняется тем, что зайца во многих областях у нас достаточно и поддерживать его поголовье на вполне удовлетворительном уровне проще, чем сохранить хорошие запасы пернатой дичи.

Эпизоотии, периодически сокращающие заячье поголовье, в охотхозяйствах при достаточно интенсивном отстреле обычно не достигают катастрофических размеров.

Нужно ещё учесть, что хотя подготовить гончую к охоте и труднее, чем легавую, — зато сам метод обучения гораздо проще.

Многих охотников устраивает и то, что гончая легко выносит довольно суровые условия содержания и, как правило, неприхотлива к корму.

Особо нужно отметить ещё одно очень существенное обстоятельство в пользу гончей — это всё более широкое использование этой собаки для общественных, коллективных охот.

Всё больше охотничьих обществ обзаводятся общественными гончими, размещая их на своих охотбазах под наблюдением и руководством штатных егерей.

Если по своей физической выносливости, по несложности обучения и по некоторым другим своим качествам лайка в последнее время становится конкурентом гончей, то в отношении общественного использования гончая остаётся вне всякого сравнения.

Непрерывно растущее число охотников — любителей гончей, постоянный рост поголовья собак гончих пород, крупнейшая роль гончей в обслуживании охотников на общественных охотничьих базах и в охотничьих хозяйствах — всё это указывает на исключительно важное положение гончей в советском охотничьем деле и на широкие перспективы для этой собаки в будущем.

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Много изменений претерпела гончая на протяжении истории человечества, много пород её создавалось и исчезало, но неизменными оставались основные качества этой собаки: хороший рост, сильное сложение, отвага и злобность. Благодаря этим качествам гончая боролась со зверем, нередко превосходящим её по силе и размерам, но что ещё важнее, преследовала зверя с постоянной и частой отдачей звучного голоса, что давало возможность охотнику знать, где и как идёт зверь, и определять место встречи с ним.

Корни, от которых пошла гончая, очень древние. Уже та собака, которую доисторический человек приручил и сделал своей помощницей на охоте, была сродни гончей. Она помогала своему хозяину в борьбе с хищными зверями и при добыче крупной дичи.

На первых порах собака, вероятно, работала совместно с человеком при непосредственных встречах со зверем, в дальнейшем же деятельность её расширилась и, может быть, начав с преследования раненой добычи, собака стала привыкать к работе по следу и научилась гнаться за зверем, гнать его.

Представление о роли собаки на охоте несколько тысяч лет назад дают изображения на памятниках древнего Египта. Эти изображения дают основание полагать, что уже пять-шесть тысяч лет назад у египтян существовали породы охотничьих травильных собак, совмещавших функции борзых и гончих, т. е. работавших по следу зверя и ловивших его.

Для людей, интересующихся гончими, особую ценность представляют барельефы с изображениями охоты, найденные в 1845 г. англичанином Лэйярдом при раскопках дворца ассирийского царя Ашшурнасирапала II в городе Кальху, скрытом в холме Нимруд (недалеко от ныне существующего иракского города Мосула).

На этих барельефах, относящихся, по мнению ученых, к 884-859 годам до нашей эры, среди прочих охотничьих мотивов есть изображения охоты с собаками. На одном из барельефов дана картина травли дикого осла: четыре собаки настигли животное и вцепились ему в шею, в бедро, в плечи. Любопытно то, что эти собаки по своему сложению, по форме голов с висячими ушами очень похожи на наших современных гончих — такие же кряжистые, ребристые, костистые и сильные. Даже отлогое положение саблевидного хвоста (хочется сказать — гона) точно такое же, как у нашей русской гончей. На барельефе, рисующем собак, ведомых охотниками на ременных поводках, опять изображены, как будто бы, гончие, которые лишь несколько грубее современных. Не известно, гнали ли эти собаки с голосом, но что они гнали по следу, это несомненно — осла собаки затравили и взяли без участия человека, который остался пока где-то за рамками барельефа.

Итак, уже почти три тысячи лет назад (а вероятно, и ещё раньше) были собаки типа нашей современной гончей. Конечно, при внешнем сходстве эти ассирийские собаки несли службу далеко не такую, как наши гончие: они должны были либо ловить зверей, либо загонять их в тенета.

О таком же использовании травильных собак упоминает и Гомер (1000-900 годы до нашей эры).

В древней Греции, где широко была развита охота с собаками на различных зверей, появились даже литературные кинологические труды. Первое, известное нам руководство по охоте, было написано в IV-V веках до нашей эры выдающимся древнегреческим писателем Ксенофонтом Афинским. Довольно значительное место в этом произведении уделено ведению породы (вязкам, щенности, щенению) охотничьих собак, воспитанию и охоте с ними. Судя по тому, что Ксенофонт говорит о следовой работе собак по зайцу, можно заключить, что их назначение уже тогда приближалось к роли, какую выполняют современные гончие, но собаки гнали зайцев в ловушки, а не под выстрел.

В другом «кинегетике» (руководстве по охоте), составленном историком и географом Аррианом во II веке нашей эры, рассказывается о следовой работе собак и наряду с этим о породах «вертрагов», т. е. борзых.

Следовательно, уже в эпоху Арриана травильные собаки дифференцировались на работающих по следу, близких к нашим гончим, и скоростных собак, борзых, «вертрагов» с назначением ловить.

С выходом на мировую арену новых народов, с развитием культуры и изменением жизни людей изменялось и назначение собак, подобных гончим. Так, в древнем Риме травильные собаки использовались в цирковых зрелищах, где с их помощью за день убивались сотни и тысячи зверей на потеху многочисленным зрителям. А у галлов за несколько веков до нашей эры уже существовала организованная псовая охота, подобная «островной» охоте русских помещиков: стая гончих набрасывалась в лесной отъём, чтобы выставить зверя из леса в поля на своры борзых.

В отличие от греков, которые охотились с собаками пешком, галлы и римляне применяли верховых лошадей, что делало их охоту ещё более сходной с нашей псовой.

Наряду с галльской охотой, где чётко разделялись функции гончих и борзых, в Западной Европе ещё долго существовала охота с травильными собаками типа современной английской парфорсной охоты на лисиц.

Особенное развитие получила охота с гончими в Западной Европе в средние века, причём она имела преимущественно парфорсный характер. Первенство тут, по-видимому, принадлежало Франции, где было выведено много пород гончих, а также были широко распространены и борзые.

Очень серьёзно занимались собаководством и англичане, уделявшие большое внимание, в частности, гончим.

Насколько совершенными стали гончие средневековья, можно судить по тому, что нередко одна стая сганивала и осиливала за один день трёх-четырёх оленей. При этом высоко ценилась и культивировалась верность гона, т. е. погнав оленя, гончие должны были гнать его одного, ни в коем случае не бросая его и не подменяя, даже, если гонный зверь проведёт стаю через стадо других оленей.

Из французских пород, доживших до XX столетия (и, очевидно, претерпевших крупные изменения), Л.П. Сабанеев называет гончих: нормандских, артезианских (артуа), гасконских, сентонжских, пуатевенских, ванзейских, фарфоровых арьежских, овернских. Среди этих собак были породы настолько крупного роста, что, пожалуй, не уступали в этом борзым. Например, сентонжские гончие имели высоту в холке до 77 см. Во Франции охотно скрещивали местные породы с английскими (фоксгаундом); известны англо-сентонжи и другие помеси. Так называемые гончие святого Губерта разводились в разных странах: во Франции велась белая разновидность, в Англии — чепрачная.

По мере роста населения, расширения городов, возникновения новых промышленных центров, сужения охотничьих угодий и исчезновения некоторых видов зверей охота с гончими в Западной Европе всё более и более сокращалась и это, естественно, вело к уменьшению числа пород гончих.

Так сошла на нет некогда довольно распространённая гончая святого Губерта, исчезла английская оленегонная гончая (стеггаунд) и некоторые другие породы. Однако в Польше, Швеции, Финляндии, Швейцарии, Канаде, США и других странах создавались новые породы гончих.

Французские гончие для русских охотников не представляют особого интереса, так как они мало ввозились в Россию. Н.П. Пахомов называет лишь гончих породы артуа, бывших в охоте Кузнецовых, французских гончих Голицына, да англо-франко-русскую стаю Першинской охоты.

Першинская охота почти до 1917 г. использовала французских производителей. Так, в 1916 г. в Першино из Франции была привезена выжловка, названная «Затейкой» и записанная под № 124 во II части родословной книги собак Першинской охоты.

В советское время при ведении англо-русской, ныне русской пегой, гончей немногочисленные собаки, происходившие от Першинской англо-франко-русской стаи, не рассматривались как нечто особое, и их кровь быстро растворилась в общем потоке англо-русских гончих.

Роль французских гончих в формировании наших пород близка к нулю. Даже не известно, кровь какой именно французской породы попала в нашу русскую пегую гончую. В дошедших до нас документах Першинской охоты и, в частности, в книге её руководителя Д.П. Вальцова нет никаких указаний об этом, кроме общего названия «французская гончая».

Значительный интерес для нас представляют английские породы фоксгаунд и биггли.

Фоксгаунд — собака крупного роста, выведен и используется в Англии для парфорсной охоты на лисиц.

Какой паратостью, силой и выносливостью должен обладать фоксгаунд, видно из того, что англичане требовали от него (конечно, в стае) способности сгонять лисицу за 40-60 минут.

Фоксгаундов привозили в Россию, начиная с XVIII столетия. Они послужили материалом для создания англо-русской помеси, ставшей ныне русской пегой породой.

Фоксгаунд может служить примером изменчивости породы. Изображения фоксгаундов конца XVI-II столетия характеризуют их как собак сухого, несколько борзоватого склада, с узкой вытянутой, тоже борзоватой головой. Во второй половине XIX века фоксгаунды стали внешне гораздо тяжелее, головы их укоротились и морды приобрели прямоугольные очертания, что связано с их очень увеличившейся «объёмистостью».

Рисунок 2. Фоксгаунд начала XX столетия в Англии. Чемпион 1913 г. по первой осени Трикслер

Наконец, судя по фотографиям 1911 г. и по экземплярам, привезенным в СССР около 1930 г., фоксгаунд XX столетия снова приобрёл несколько иные формы. Голова утратила «перелом» и верхняя линия её почти не имеет уступа при переходе от черепной коробки к морде. Пясти и запястья («пазанки») стали очень короткими и отвесными, а пальцы исключительно короткими. Гон приобрёл форму серпа и собака носит его ещё круче, чем в прошлом веке.

Ещё одна английская порода гончих использована у нас для создания новой местной гончей — это «биггли» — мелкая собака, используемая на родине для охоты на зайцев. Кровь биггли вошла важной составной частью во вновь выведенную малорослую эстонскую гончую.

Некоторое значение для формирования наших пород имели гончие Польши. Авторы-кинологи XIX столетия различали четыре породы польских гончих: тяжёлую, напоминавшую своей сырой конституцией и пешестью гончую святого Губерта (от неё польская тяжёлая, очевидно, и происходила); польскую паратую — собаку сухого сложения, происходившую, видимо, от смешения западных гончих с русской; огара — особенно крупную собаку (бывшую в то время уже на грани вырождения) и, наконец, польскую маленькую.

Три первые породы работали как по зайцу, так и по волку и годились для стай в псовых охотах. «Маленькая» гнала только зайца.

Польские гончие описывались различными авторами по-разному, что, вероятно, объясняется нечётким разграничением пород. Однако во всех описаниях отмечался чепрачный окрас польских гончих как основной. В окрасе густому чёрному чепраку сопутствовали сравнительно небольшие более или менее красные подпалины.

В XIX столетии много польских гончих было привезено в Россию, однако здесь они не сохранялись в чистом виде, а смешивались с коренной русской гончей.

В последнее время породы гончих принято делить на две группы: в западную группу некоторые авторы (П.М. Мачеварианов, М.П. Губин, Н.П. Кишенский, Л.П. Сабанев, Н.П. Пахомов) включают обычно английских, французских и польских гончих. Эту группу следовало бы дополнить ещё гончими скандинавскими, швейцарскими и, может быть, американскими, которые являются по существу разновидностью английских.

К восточной группе причисляют нашу коренную русскую; гончую, затем брудастую и арлекина, тоже сформировавшегося в России, а также породы, образовавшиеся от смешения восточной и западной пород, например современная русская пегая гончая (бывшая англо-русская) и недавно признанная эстонская.

ПОРОДЫ ГОНЧИХ В СССР

Время появления и корни происхождения гончей в России неизвестны, но существование местной породы в очень древней Руси бесспорно.

Мнение некоторых авторов, что гончая пришла к нам от татар, необоснованно. Ведь татары были исконными степняками, а гончая — собака лесной охоты. Если татары стали охотиться с гончей в тех лесных краях, где они осели, то гораздо вероятнее, что ими использовалась та собака, которую они нашли в завоёванных местах.

И тем с большим основанием можно утверждать это, если учесть, что об охоте с гончей свидетельствуют памятники, созданные до татарского ига.

Не раз упоминается гончая и в древних летописях. Фрески в киевском Софийском соборе, построенном в XI веке, подтверждают, что охота с гончей была известна ещё во времена Ярослава Мудрого.

О наших гончих свидетельствуют и более поздние литературные источники. Например, посол императора Максимилиана Герберштейн, описывая в своих «Записках о Московии» богатейшую псовую охоту великого князя Василия III, говорит не только о борзых, но и о гончих, которых у князя, по словам Герберштейна, было очень много и которые работали в больших стаях.

Эти сведения относятся к началу XVI столетия. Хорошая организация псовой охоты Василия III даёт основание заключить, что это дело не было какой-то новинкой и что, наоборот, к XVI столетию уже накопился большой опыт псовой охоты.

Царь Михаил Фёдорович (начало XVII века) проявлял серьёзную заботу о своей охоте вообще и, в частности, о гончих.

О гончих более позднего времени также есть немалое количество литературных материалов.

Первым специальным трудом по псовой охоте явилась книга немца фон Лессинга «Регул, принадлежащий до псовой охоты», вышедшая в свет при царе Алексее Михайловиче в середине XVII века.

О гончих в России в XVIII столетии говорится в книгах Н. Макарова и Евг. Дюбюка (сведения этих авторов касаются в основном борзых и гончих собак Костромской губернии).

В XVIII веке в Россию начинают попадать западные гончие — французские и английские.

По официальным сведениям, в 1730 г. в царской охоте, размещавшейся в Москве в Измайловском зверинце, насчитывалась 241 собака, в том числе 50 борзых, 50 французских гончих, 128 гончих русской породы, 4 кровяных гончих (блдохуандов) и 9 такселей (такс).

Насколько несовершенно было ведение пород гончих в те времена, можно судить по той их разнотипности и разношёрстности, которую стали отмечать в печати охотники XIX столетия, оказавшиеся в положении наследников, получивших достаточно беспорядочное и даже чуть ли не хаотическое наследство.

С семидесятых годов прошлого столетия в России началась более или менее серьёзная племенная работа с породами гончих. С этого же времени (1874 г.) у нас начали устраиваться регулярные выставки охотничьих собак, которые явились, с одной стороны, смотром наличного породного материала, а с другой — послужили толчком, стимулом к обдуманному и целенаправленному подбору производителей в собаководстве.

Различные авторы усматривали в России существование 12-13 пород гончих (называли их по-разному): старинная русская, костромская; русская прямогонная, русская крутогонная, русская пешая, арлекин, англо-русская, польская тяжёлая, польская паратая, польская заячья, курляндская, брудастая, русско-польская.

Критический анализ этого списка показывает, что многие из названных пород являлись либо просто выдуманными, либо отдельными уклоняющимися от нормы типами действительно существовавших пород.

Все пять русских пород в действительности были одной породой, а представление о многих породах русской гончей создавалось вследствие её разнотипности. Разнотипность же существовала огромная, так как многие помещики держали свои псарни обособленно, при подборе производителей руководствовались не каким-либо общепринятым стандартом, а лишь своим собственным вкусом и вели породу, как говорится, «в себе», т. е. не допускали смешения своих собак с гончими других

псарен.

Разнообразие и как бы разнопородность русской гончей зависела не только от разобщённости псарен, но и от прибавления к отечественной гончей крови западных пород гончих — польской, английской и других, а возможно, даже и пород легавых.

Так, в середине XVII столетия фон Лессинг в названной книге «Регул, принадлежащий до псовой охоты» рекомендовал для получения верховчутых гончих «соблюсти» (т. е. повязать) легавую суку (с оговоркой, «чтоб она была породная») с гончим выжлецом, который тоже должен быть «породный мастер». После того как щенки перекоуют («как распустиют»), повязать их тоже с лучшими мастерами (гончими). А затем «от того, то есть, от третьего колена, прямо верховчутых собак иметь».

Вряд ли совет Лессинга не был использован, и, наверное, в некоторых тогдашних стаях (семьях) гончих оказалась кровь легавых.

Как известно, в XVIII столетии начался завоз в Россию английских гончих, и теперь невозможно установить, насколько сильным было влияние английских оленегонов и лисогонов на нашу коренную гончую. А что оно действительно было и притом заметное, видно из неоднократных упоминаний в охотничьей литературе XIX столетия о происхождении пресловутых «костромичей» от английских гончих.

Есть сведения и о более новом подмешивании других пород к русской гончей.

Н.П. Пахомов сообщает точные данные о том, что при создании знаменитой багряной стаи Першинской охоты — образца русской гончей — использованы гончие пензенского помещика Н.А. Панчулидзева, происходившие от собак А.И. Арапова. А последние внешне не отличались от польских гончих.

Есть ещё более сильные свидетельства. Н.П. Кишенский, известный знаток и судья гончих, бывший даже в конце XIX и начале XX веков «вершителем гончих судеб», указывал на нечистопородность современных ему русских гончих. В книге «Ружейная охота с гончими» он писал: «В настоящее время (т. е. в конце XIX века — В.К.) породы гончих страшно перемешались. ...теперь трудно достать гончую, в которой не было бы английской крови». При выборе гончих он рекомендовал: «одной масти советую избегать — это каштановой или кофейной; такие гончие обыкновенно с примесью легавой крови»...

Из высказываний Н.П. Кишенского можно заключить, что в России встречались гончие и такого вовсе негончего окраса (по действующим в настоящее время стандартам кофейный или каштановый окрас ставит гончую вне породы).

Итак, несомненно, предки нынешних русских гончих имели примеси английских, польских, французских гончих, а также и легавых (кофейный окрас).

Порочит ли это ныне существующую породу русских гончих? Большая ли беда, если русская гончая не обошлась без различных и, вероятно, довольно значительных примесей крови инородных собак?

И большой ли грех говорить, что в дооктябрьском периоде все наши гончие не представляли собой вполне выкристаллизовавшихся пород?

Конечно нет! Нельзя же рассчитывать на существование настоящих пород всероссийского масштаба в те времена, когда, с одной стороны, слишком велика была возможность притока посторонних кровей, а, с другой — в течение веков не было ни родословных книг, ни какой бы то ни было регистрации гончих, ни выставок, которые могли бы служить стандартизации гончих пород. Не было даже понятия о племенной работе с собакой.

Лишь в конце XIX столетия после проведения первых выставок охотничьих собак в России создалось представление о недопустимом хаосе в ведении пород гончих, о необходимости стандартов. Стал, наконец, формироваться тип русской гончей. Лучшими представителями породы были признаны Комынинские и Алексеевские гончие.

А что же толки о «старинной» русской гончей, обладавшей, якобы, какими-то сверхъестественными талантами?

Стоит только вспомнить «старинных» владельцев псовых охот, вряд ли смысливших в собаководстве да и мало интересовавшихся им, чтобы не поверить ни в отличный экстерьер, ни в исключительные способности «старинных» гончих.

В самом деле, какие из рабочих качеств могли быть в старину особенно хороши? Голоса собак да их злоба. Общеизвестно, что в старые времена назначение нашей гончей сводилось лишь к тому, чтобы

выставить зверя из леса в поля на своры борзых, а дальше гончая не имела права гнать. Значит, ни добычливость, ни вязкость, ни мастерство у «старинной» гончей не развивались, да и особенно тонкого чутья ей не требовалось, если вся гоньба по зверю длилась считанные минуты, редко полчаса!

Следует остановиться на знаменитой и прославленной в своё время «костромской» породе, поскольку это название все ещё бытует у провинциальных охотников, и находятся даже кинологи, всё ещё как-то тяготеющие к памяти «сельца Охотничьего», поместья Н.П. Кишенского, которое он рекламировал как единственно оставшийся в России питомник подлинных, чистокровных «костромских» гончих.

Костромская порода, как совершенно самостоятельная и чисто аборигенная, была создана воображением охотников и миф о ней поддержан Н.П. Кишенским. Что это так, теперь неопровержимо доказано Н.П. Пахомовым, который в книге «Породы гончих» (1931 г.) приводит любопытное сопоставление описаний костромской гончей по Н.П. Кишенскому («Ружейная охота с гончими», 1906 г.), М.П. Губину («Руководство по псовой охоте», 1890 г.) и Г.Д. Розену («История гончих собак», 1896 г.). Эти авторы жили и писали примерно в одно время. Однако Н.П. Кишенский считал типичным для костромича «череп узкий борзоватый с развитым гребнем», а М.П. Губин и Г.Д. Розен называли голову этой собаки «коротковатой, широкой между ушами». Н.П. Кишенский считал, что для «костромича» типичны глаза «средней величины, чёрные (вернее, карие) или жёлтые, бывают очень светлые», М.П. Губин — «большие навывкате, весёлые и всегда тёмного цвета», а по Г.Д. Розену они — «небольшие чисто жёлтого цвета».

Не стоит перечислять все расхождения в описаниях «костромича» различными авторами, очевидно, они описывали то, что видели, а видели они по-разному. Ясно, что так называемая «костромская гончая» была лишь одним из нестандартных «вариантов» большой и не упорядоченной русской породы.

Отметим ещё лишь одну многозначительную черту в описании «костромской гончей», сделанном её главным пропагандистом Н.П. Кишенским. Говоря об одном из самых ярких признаков породы — окрасе, он утверждал, что: «костромские гончие бывают трёх мастей: чёрные впросерь в подпалинах, жёлто-багряные и чёрно-пегие в подпалинах...».

Из этого высказывания видно, что Кишенский ошибочно относил к «костромичам» и чёрно-пегую в румянах англо-русскую гончую, которая, кстати сказать, в Костромской губернии была, по-видимому, одним из главных корней местной гончей. Недаром же в журнале «Коннозаводство и охота» за 1843 г. автор под инициалами В.О. писал, что в этой губернии «гончие идут от английских собак, выписанных очень давно богатым помещиком Салтыковым». Недаром и в 1846 г. Реутт в двухтомном труде «Псовая охота» утверждал: «У нас, в Костромской губернии, славящейся отличными породами гончих, происшедшими от английских и польских собак...».

Н.П. Пахомов, справедливо считая наиболее достоверными высказывания людей, пишущих о гончих бесхитростно, без какой-либо предвзятости, ссылается на С.М. Глебова, который в заметке («Журнал охоты») упоминает «знаменитых костромских собак Павлова и Зузина от английских».

Н.П. Пахомов указывает также на статью Ауэрбаха «Из недавнего прошлого» («Природа и охота», 1885, № 10), где в описании гончих костромских охотников Мустафина и Павлова имеются такие выражения: «Собаки Мустафина... все краснопегие с жёлтыми подпалинами», «Павловские собаки чёрные... в маленьких красных подпалинах на бровях и на груди...».

С большим основанием можно считать, что мустафинские багряно-пегие были с английской кровью, а павловские — с польской. А ведь основой «единственно чистокровных» костромских гончих Н.П. Кишенского послужили как раз мустафинские и павловские гончие. Но Кишенский не желал видеть очевидного и, убедив себя, что его собаки самые лучшие, единственные и т. д., вёл свою псарню на теснейшем инбридинге к неминуемому вырождению и действительно довел её до самого жалкого состояния.

Всё сказанное отчётливо показывает, какой сумбур царил в толках о гончих, о «старинных» породах и в пропаганде породы каких-то необычайных «костромичей». Надо полагать, что среди гончих Костромской губернии было много действительно хороших рабочих собак, хотя они и не являлись строго определённой породой. Они-то и создали представление о замечательных костромичах, перешедшее затем в легенду о «костромской» породе.

Таким образом, несомненно, что в XIX столетии русская гончая была не разнопородна, а очень разнотипна и разномастна в силу разных примесей. Что касается англо-русской гончей (ныне русской пегей), то и она не могла быть достаточно стандартной, так как одновременно эта помесь выводилась в

различных псарнях и строилась на разном исходном материале и в зависимости от взглядов владельца той или иной стаи гончих, приближалась то к русской породе, то к английской, а то даже и к французской (англо-франко-русские гончие Першинской охоты).

Выставки собак заставили охотников обратить внимание на этот разнород в породах и многие собаководы стали стремиться к созданию более или менее единого типа русской гончей, к установлению некоторых рамок и для помесей (англо-русской и русско-польской).

В 1896 г. в Москве состоялся съезд псовых охотников, который принял стандарт русской гончей, составленный известным знатоком и заводчиком гончих П.Н. Белоусовым. Этот стандарт лёг в основу экстерьерного описания признаков данной породы и не утратил своего значения и поныне.

С установлением стандарта у нас и началось введение экстерьера русских гончих в строгие породные рамки.

Появились, наконец, и охотники-гончатники, сумевшие действительно серьёзно отнестись к ведению породы и понимавшие основы племенного дела. Они искали хороших производителей и среди своих гончих и на стороне и умели, сообразуясь со стандартом, добиваться типичности и вообще улучшения экстерьера своих собак. Таким образом, создались стаи не только однотипные внутри себя (такие бывали и прежде), но и очень близкие по типу к стаям других охот.

Таковы были, например, гончие П.Н. Белоусова, И.Н. Комынина и М.И. Алексеева. Эти собаки были близки к современному типу русской гончей, и заводческую работу их хозяев можно считать как бы закладкой фундамента для той деятельности советских собаководов, которая привела к окончательному формированию и, так сказать, шлифовке современного типа русской гончей.

Ко времени Великой Октябрьской революции в России считались реально существующими следующие породы и помеси гончих: русская, арлекин, англо-русская (с включением сюда першинской англо-франко-русской), русско-польская и брудастая. Предполагалось также, что в России имеются чистые польские гончие двух видов: тяжёлая и паратая¹.

Собравшийся в 1925 г. в Москве 1-й Всесоюзный кинологический съезд СССР выработал стандарты перечисленных основных пород. Наиболее важным в работе съезда было признание англо-русской гончей самостоятельной вполне определившейся породой (она оказалась менее разнотипной, чем русская).

При дальнейшей племенной работе с русской и англо-русской породами в СССР были достигнуты высокая породность, отличный экстерьер и небывалая однотипность.

Советскими собаководами и кинологами созданы определённые и совершенные типы двух наших основных пород гончих.

Речь идёт, конечно, не о тождественности всех собак породы, она не нужна и недостижима, а о том основном сходстве, когда ни у кого не может возникнуть сомнения в однородности этих собак и когда они легко сравнимы между собой. Породная однотипность не исключает вторичные типы или подтипы, несущие сравнительно мелкие черты различия, по которым опытный глаз может выделить потомков кировской группы русских гончих, например линии чемпиона Гула П.Г. Хлюпина, от собак, сохранивших характерные признаки линии Трубача 293/г.

Что касается других пород, то на деле они оказались несуществующими.

К 1925 г. не уцелело ни одной значительной группы более или менее типичных и стандартных арлекинов. Не осталось также брудастых и кровных польских. А так называемые русско-польские, местами многочисленные, объединённые лишь одним общим признаком — густо-чёрным чепраком, оказались настолько разнотипными, разношёрстными, что никак не укладывались в понятие породы. К русско-польским относились не только помесь русской и польской гончих, но и вообще всевозможные вымески гончих неизвестного, сплошь и рядом полугончего, происхождения, лишь бы у собаки был чёрный чепрак и общий склад гончей.

Постепенно кинологам стало известно, что арлекин как порода исчез, стали попадаться лишь не стандартные гончие с признаками этой породы; брудастая гончая вообще перестала встречаться; русско-польские собаки, в провинции всё ещё не редкие, не могут быть названы породой.

¹ Н.П. Кишенский называл ещё две породы — курляндскую и польскую маленькую, или заячью, происходящую, якобы, из Литвы.

Если на Всесоюзном кинологическом совещании в 1939 г. всё ещё считали нужным стандарт русско-польской гончей, то Всероссийское кинологическое совещание 1947 г. признало эту породу не существующей.

Таким образом, с 1947 г. в СССР признаны только две основные породы гончих: русская и англо-русская.

Кинологическое совещание, созданное в 1954 г. Главным управлением по заповедникам и охотничьему хозяйству СССР, признало создание и существование у нас ещё одной породы гончей — эстонской, которая была в последующем утверждена Министерством сельского хозяйства СССР.

РУССКАЯ ГОНЧАЯ

Из многочисленных стай гончих, принадлежавших различным помещикам во многих русских губерниях, далеко не все были известны и не все играли более или менее существенную роль в породе. В конце XIX и начале XX столетий были особенно известны несколько стай русских гончих.

К их числу относятся першинские багряные, принадлежавшие Першинской охоте великого князя Николая Николаевича в Тульской губернии.

Основу этой стаи составили гончие русского типа, багряного окраса, купленные в 1886 г. у пензенского охотника Столыпина и у костромского — Братке. Очевидно, для расширения состава производителей позднее были приобретены ещё 9 собак (также багряных) у Н.А. Панчулидзева.

Гончие, выведенные от этого исходного материала и составившие першинскую багряную стаю, были очень рослые, мощные, тепло одетые, с характерными большими головами и удлинёнными прямоугольного обреза мордами.

Стая отлично работала по волкам, была очень голосистой (только низких басов не было в ней) и отличалась такой огромной паратостью, что владельцу пришлось заменить бывших под доезжачими и выжлятниками киргизских и кабардинских лошадей полукровными английскими скакунами.

Стая существовала примерно 30 лет (с 1886 по 1917 г.).

По свидетельству Н.П. Пахомова, в 20-х годах на выставках в Туле нередко встречались гончие типа багряных першинских (ухудшенных). Следовательно, першинские багряные сыграли некоторую роль в формировании современной русской гончей. Однако это не было документально зафиксировано, так как у большинства отмеченных Н.П. Пахомовым собак были утрачены родословные.

Отдельные производители першинского происхождения, например Забавляй Ананьева, вошли в современную породу с достоверными родословными.

Большой известностью пользовались гончие охотника Н.В. Можарова (из Калужской губернии), которые отличались серым (как бы волчьим) окрасом. Собаки были мощные, костистые и славились своими полевыми качествами.

Несмотря на всю свою славу в дореволюционное время и на то, что кровь можаровских гончих владельцы других стай охотно приливали к своим собакам, для племенной работы нашего периода можаровские гончие непосредственного значения не имели.

Особенно популярны были собаки Н.П. Кишенского, помещика Тверской губернии (сельцо Охотничье). Выше уже говорилось, что владелец усиленно рекламировал своих гончих как единственно подлинных «костромичей». Первоначально он добился больших успехов, и в его охоте были рослые, сильные собаки, действительно обладавшие отличными рабочими данными. В их основном чепрачном окрасе имела особенность: белые отметины на лапах, конце гона, груди и белая загривина, иногда образующая как бы белый ошейник.

В дальнейшем гончие Н.П. Кишенского вследствие неправильного ведения породы выродились, измельчали, утратили свою породность и рабочие качества.

Что представляли собой гончие Н.П. Кишенского в последний период его деятельности, видно по изображению его стаи. При сравнении этих собак с нынешними русскими гончими или с гончими современных Кишенскому стай Алексева, или Комынина, видно, что «костромичи» очень простоваты, непородны.

Следует сказать, что гончие завода Кишенского попали в родословные некоторых собак, с которых советским гончатникам пришлось начинать племенную работу с гончей. Например, прямой потомок собак Н.П. Кишенского Пискаля владельца Яльцева (г. Алатырь), сыграла в 20-х годах заметную роль в работе советских собаководов.